

УДК 811.111'373

DOI: 10.17223/19986645/46/6

Т.М. Шеховцева, Е.А. Камышанченко

СТРУКТУРИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА СИЛА ПО АНТРОПОМОРФНОЙ

citation and similar papers at core.ac.uk

brought to you

provided by DSpace at Belgorod

В статье рассматриваются теоретические и методологические основы теории концептуальной метафоры, получившей распространение в мировой науке и нашедшей многостороннее применение в практических исследованиях. Целью работы является анализ метафорической репрезентации концепта СИЛА в современном английском языке. В фокусе внимания находится антропоморфная метафорическая модель, выделенная на основе анализа сочетаемости субстантива, называющего концепт, и его синонимов с конкретными предикатами.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, метафорическая модель, антропоморфный, лексическая сочетаемость.

В лингвистической науке проблема метафоры – и как процесса, создающего новые значения языковых выражений в ходе их переосмысления, и как уже готового метафорического значения – рассматривалась издавна и всегда скорее как стилистическое средство или художественный прием, реже – как способ создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении.

Современные исследования метафоры основываются на одной фундаментальной идее, идущей еще от Аристотеля, – идее метафорического переноса. Как хорошо известно, Аристотель утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии. «Детализация этой идеи – что и как переносится – лежит в основе многочисленных подходов к изучению метафоры» [1. С. 135].

Анализ теоретического осмысления метафоры свидетельствует о наличии большого числа конкурирующих и несоизмеримых теорий. Спектр возможных подходов к анализу метафоры в рамках научных парадигм XX в. хорошо отражает сборник «Теория метафоры» под редакцией Н.Д. Арутюновой [2]. Интересен также обзор теории метафоры В.В. Петрова, выделившего два основных направления в изучении метафоры: семантическое, представленное М. Блэком, Дж. Серлем, Д. Ротбартом, Э.Ф. Киттэй, и когнитивное, основоположниками которого являются Дж. Лакофф и М. Джонсон [1]. Сравнение точек зрения упомянутых выше ученых позволяет заключить, что в целом когнитивное направление рассматривает метафору как перенос знаний из одной содержательной области в другую, тогда как представители семантического направления считают, что в процессе метафоризации происходит взаимодействие двух понятий, принадлежащих к разным семантическим по-

лям, а метафора есть, по сути, движение лексических единиц между семантическими полями.

Мы придерживаемся определения, выработанного в рамках лингвистических исследований когнитивного направления, где метафору принято трактовать как одну из основных ментальных операций, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает с их помощью тот мир, в котором живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира, ввести новую категоризацию в представление хорошо известных феноменов [3. С. 54–56]. Подобную мысль развивает и Э. Маккормак в своей «Когнитивной теории метафоры», где он пишет, что метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы [4. С. 360].

Наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума [5].

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Дж. Джейнс, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи (работы многих из них представлены в упомянутом выше сборнике «Теория метафоры» [2]). Идеи этих ученых, безусловно, способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, однако в фокусе большинства современных работ по теории и практике изучения метафоры лежит ставшее классическим в этой области исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». В данном труде американские ученые разрабатывают понятие концептуальной метафоры, под которой понимается схема, унифицированная когнитивная структура, соединяющая ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой, в формировании которой существенную роль играют предшествующий опыт человека и культурная среда, в которой он живет. «Осмысление нашего опыта в терминах объектов и веществ позволяет нам вычленять некоторые части нашего опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа. Мы можем ссылаться на них, объединять их в категории, классифицировать их и определять их количество, тем самым мы можем рассуждать о них» [6. С. 407].

В основе метафоризации, согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника (source-domain) и сферы-мишени (target-domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, послужил опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых ког-

нитивных структур – «схем образов» [7. С. 54]. Авторы утверждают, что концептуальная система человека содержит тысячи конвенциональных метафорических схем, «встроенных» в обыденное мышление и являющихся неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка [7]. Таким образом, заслуга Дж. Лакоффа и М. Джонсона состоит в эксплицировании того обстоятельства, что метафора не ограничивается сферой языка, как это ранее считалось, но распространяется и на сферу мышления, поскольку, как поясняет И.М. Кобозева, «переносу подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (фокусом метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной конвенциональной структурой» [8].

К аналогичному выводу приходит и А.П. Чудинов, по мнению которого своеобразие концептуальной метафоры состоит в том, что в ее основе «лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты» [5. С. 52].

Метафорической концептуализации подвергаются понятия абстрактные. Эту особенность отмечают все без исключения исследователи концептуальной метафоры. Например, С.Г. Воркачев пишет, что концепты со сложной, неоднозначной структурой, отражающие в сознании человека некие философские, психологические, социальные категории (причем концепт СИЛА в равной мере можно отнести к каждой из них), зачастую подвергаются метафоризации, поскольку она позволяет «воплотить в чувственном образе бестелесную и труднопостижимую абстракцию» [9. С. 127]. Н.К. Рябцева называет это явление «принципом наглядности», который, по ее мнению, заключается в «опредмечивании» непредметных сущностей – событийных, психологических, ментальных и социальных, в их способе описания по образу и подобию (восприятия) предметного мира. Данный процесс протекает в двух направлениях: окружающий человека мир «аксиологизируется, символизируется и психологизируется, а внутренний мир параметризуется и объективируется» [10]. Идентичную мысль находим и у Х. Ортеги-и-Гассета, который считал, что метафора – это едва ли не единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции, поскольку метафора «удлиняет радиус действия мысли, представляя собой в области логики нечто вроде удочки или ружья» [11. С. 68].

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует, как представляется, не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний день подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры, проникающей в большинство сфер человеческой деятельности – политику и экономику, науку и культуру, менеджмент и рекламу, банковское дело и телекоммуникации (см., например, [12–16]). Данная теория, бесспорно, принесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании.

В целом на современном этапе можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга теорий, которые формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к исследованию метафоры: помимо классической теории концептуальной метафоры выделяются теория концептуальной интеграции (М. Turner, G. Fauconnier), дескрипторная теория метафоры (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов), теория метафорического моделирования (А.П. Чудинов) и др.

Интерес для нас представляет теория метафорического моделирования А.П. Чудинова [5], элементы которой были использованы в настоящем исследовании. В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование – это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Таким образом, в качестве базовой автор рассматривает когнитивную функцию метафоры, т.е. функцию обработки и переработки информации.

Рассмотрев некоторые из существующих подходов к изучению метафоры, мы можем констатировать, что у исследователей нет единства ни по вопросу механизма метафорического переноса, ни относительно критериев выделения проецируемых семантических характеристик, ни о процедурах обработки знаний. Большинство исследователей тем не менее сходятся во мнении, что «во всякой метафоре должны быть донорская и реципиентная зоны» [17. С. 381].

Нетрудно заметить также, что существует множество терминов для обозначения концептуальной метафоры, для представления которых удобно воспользоваться обзором А.П. Чудинова: «архетип» или «метафорический архетип» (Панченко, Смирнов; Юнг), «концептуальная метафора», «базисная метафора» (Лакофф, Джонсон), «ментальная модель» (Джонсон-Лэрд), «метафорическая модель» (Баранов, Караулов), «образ-схема» (Лакофф), «парадигма образов» (Павлович), «поэтическая формула» (Кузьмина), «образ» (Илюхина), «модель регулярной многозначности» (Шмелев; Апресян; Чудинов), «метафорическое поле» (Скляревская) и др. Все эти термины имеют различную внутреннюю форму, которая акцентирует собственно лингвистический, общелингвистический, психологический или когнитивный аспекты рассматриваемого явления, отражают традиции различных научных школ и направлений [4. С. 68]. М.В. Пименова разграничивает два наиболее часто используемых в современных лингвистических разработках термина – концептуальную метафору и когнитивную метафору. По ее мнению, первый ориентирован на связь с терминами *концептуализация* и *концепт*, второй сопряжен с понятием когнитивизма [18. С. 57].

В настоящей работе используется термин Дж. Лакоффа и М. Джонсона «концептуальная метафора» (далее КМ), который позволяет разделить языковые средства выражения и лежащий в их основе когнитивный процесс, а именно понимание одного явления (или области деятельности) в терминах другого.

Итак, на основании рассмотренных выше положений, послуживших теоретической базой настоящего исследования, представим фактический материал, систематизированный с их помощью.

Целью настоящей работы является рассмотрение особенностей метафорической репрезентации концепта СИЛА в современном английском языке.

В ходе исследования были использованы следующие методы:

- метод контекстуального анализа, позволяющий выделять и уточнять концептуальные признаки на основе элементов смысла, актуализирующихся при вхождении лексем-репрезентантов в определенный контекст;
- метод когнитивной интерпретации, позволяющий моделировать концепты как единицы когнитивного сознания в опоре на полученные лингвистические данные.

Материалом исследования послужили контексты из произведений различных жанров английской и американской художественной литературы XIX–XX вв. В качестве иллюстративного материала использовались также фрагменты из английских газет («The Times», «The Sunday Times», «The Guardian») и электронного корпуса British National Corpus. Анализировались данные наиболее авторитетных англоязычных толковых словарей и тезаурусов, энциклопедических и синонимических словарей (более 20 наименований). Общее количество контекстов, послуживших объектом анализа, составило свыше 2500.

Процедура отбора лексических единиц выполнялась в рамках ономаσιологического подхода, при котором исходным пунктом служат единицы содержания, а конечным – способы формального выражения этого содержания. Поиск слов по заданным значениям в таком случае осуществляется при помощи тезаурусов и синонимических словарей. В результате работы с тезаурусом Роже нами была составлена картотека лексических средств в количестве 170 единиц, образующих семантическое пространство концепта СИЛА. От исследования были отведены единицы, принадлежащие другим семантическим группам и реализующие значение силы на функциональном уровне в определенном контекстуальном окружении, например *tolerance*, *resolute*, *talent*, *armed*, *stable*, *uncompromising* и ряд других. Не рассматривались книжная, устаревшая лексика, сленг, а также лексемы, для которых значение силы не является основным. Таким образом, концепт СИЛА представлен следующими единицами:

- в классе существительного: *brawn*, *domination*, *energy*, *force*, *forte*, *fortitude*, *influence*, *power*, *strength*, *vigour*, *violence*, *vitality*;
- в классе прилагательного: *brawny*, *burly*, *energetic*, *forceful*, *muscular*, *powerful*, *robust*, *stalwart*, *strong*, *sturdy*, *tough*, *vigorous*, *violent*, *vital*, что составляет 26 единиц.

Анализируя речевые контексты, позволяющие выделить особенности метафорической репрезентации концепта СИЛА в современном английском языке, мы используем прием, основанный на изучении сочетаемости субстантива, называемого рассматриваемый концепт, и его синонимов с конкретными предикатами. Данный прием концептуального анализа представлен в работах G. Lakoff [19], Л.О. Чернейко [20], М.В. Пименовой [21], А.П. Чудинова [5] и многих других западных и отечественных лингвистов. Ключевой

для настоящего исследования является мысль Л.О. Чернейко о том, что «выстраиваемая говорящим сочетаемость имени предопределяется его глубинным ассоциативным потенциалом, который и раскрывается исследователем, моделирующим внерациональную, сублогическую основу языкового сознания. Через сочетания абстрактного имени с вторичными предикатами умостаиваемая сущность обнаруживает присущие ей ассоциативные связи со стандартными, эталонными прототипами имен субъектов этих предикатов. Но эти связи представлены имплицитно, а потому выводятся, восстанавливаются исследователем» [20. С. 290].

Как правило, КМ упорядочиваются исследователями в более крупные разряды в зависимости от категориального статуса концепта, выступающего в качестве сферы-источника при метафорическом отображении на сферу-мишень. Ученые выделяют антропоморфную, зооморфную, натуроморфную, фитоморфную/растительную, предметную/вещную/артефактную метафорические модели концептуализации абстрактных областей знаний. Подобную дифференциацию концептуальных метафор используют многие современные лингвисты, исследующие действие этого когнитивного механизма, например М.Н. Лапшина, А.П. Чудинов, М.В. Пименова, Л.А. Шестак и др. Основываясь на данных анализа эмпирического материала, мы выделили три понятийных разряда, релевантных для данного исследования, которые обозначили как субсфера «Человек», субсфера «Природа» и субсфера «Артефакты» (термины А.П. Чудинова). Разные виды концептуальной метафоры имеют различные частотные показатели степени продуктивности. Мерой продуктивности является, во-первых, количество конвенциональных языковых выражений, кодирующих данную концептуальную метафору, а во-вторых, количество содержательных характеристик, перенесенных из области-источника на область-мишень [19. С. 496–497]. Согласно результатам контекстуального анализа наиболее продуктивными средствами объективации концепта СИЛА в английском языке являются КМ с исходной понятийной сферой «Артефакты», которые были рассмотрены нами ранее в статье [22].

Сегодня в фокусе нашего внимания находится **субсфера «Человек»**, включающая ряд интересных концептуальных метафор. Несмотря на то, что по количеству метафорических выражений субсфера «Артефакты» превосходит в нашем исследовании субсферу «Человек», антропоморфный код тем не менее выступает одним из самых плодотворных источников создания метафор. Еще Протагор заметил, что «человек есть мера всех вещей».

Впервые название антропоморфных образований и их логику описал Дж. Вико, который первым указал на особый культурный статус метафоры, на ее роль в познании нового человеком. Основным положением его теории является то, что человек в состоянии понять лишь то, что он сам сделал, что для него известно [23].

И.М. Кобозева также придает особое значение антропоморфным образованиям. По ее мнению, метафора персонификации (олицетворения) – базисная метафора, лежащая в основе присущего человеку способа постижения окружающего мира. С лингвистической точки зрения эта метафора проявляется в приписывании предикатов и модификаторов, обозначающих признаки человека, другим типам сущностей. При этом возможны следующие случаи:

- а) признаки человека приписываются другому живому существу;
- б) признаки человека приписываются неодушевленному физическим объектам;
- в) признаки человека приписываются отвлеченным или абстрактным понятиям;
- г) признаки человека приписываются человеческому сообществу [24].

Наличие антропоморфных признаков в содержании концепта СИЛА обуславливает выделение на их основе КМ **STRENGTH IS A PERSON**.

Структурирование концепта СИЛА по антропоморфной модели предполагает участие субстантивов в актах олицетворения или персонификации, т.е. их уподобления человеку, что определяет их сочетаемость с предикатами, реализующими субъекто-ориентированные признаки, прежде всего активность, волеитивность, контролируемость и одушевленность объекта [25. С. 102]. В рамках рассматриваемой субсферы наиболее частотными оказались имена *strength, force, power*, а также *violence, fortitude, vigour*.

Сила в метафорическом представлении носителей английского языка может осуществлять те же действия и пребывать в тех же состояниях, что и реальный человек, она может двигаться, руководить, имеет лицо и характер. Тем не менее, как показывает анализ, лексемы-репрезентанты концепта СИЛА в рамках субсферы «Человек» сочетаются преимущественно с глаголами, обозначающими физическую активность. Примеров, иллюстрирующих сочетаемость лексем-репрезентантов с глаголами ментальной активности, зафиксировано меньше. Лексемы, обозначающие эмоциональное состояние, в проанализированном нами эмпирическом материале отсутствуют. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что сила в сознании носителей языка концептуализируется как феномен, основной чертой которого является динамизм. Лексемы, вербализующие концепт СИЛА, достаточно широко употребляются в роли субъектов-агентов в сочетании с предикатами самостоятельного движения:

(1) *He made no moan, for **his strength was all gone**, and with it all heart and all hope* (Ch. Dickens. *Oliver Twist or the parish boy's progress*).

(2) *I wish to see if my **power is gone*** (H. MacGrath. *Arms and the Woman*).

(3) *In rugby, he believes, your **strength comes** from the support of those around you, on and off the field* («The Times»).

(4) *Yet in the critical days and months after the Maxwell crisis Stott's **strength of character probably reached its peak*** (British National Corpus).

(5) *The **violence reached a peak** in August and September and threatened to disrupt the ANC-government talks* (British National Corpus).

Употребление сочетания *to reach one's peak* имплицитно движению вверх, подразумевая наивысшую точку развития. Здесь, как представляется, уместно привести метафору, выделенную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном: **MORE IS UP**. В данном случае структурное упорядочивание одного понятия в терминах другого отсутствует, однако есть организация целой системы, понятий по образцу некоторой другой системы. Такие случаи ученые называют ориентационными метафорами, так как большинство подобных понятий связано с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона»,

«глубокий – мелкий», «центральный – периферийный». Подобные ориентационные противопоставления проистекают из того, что наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас физическом мире [6. С. 396].

В приведенных примерах, на наш взгляд, имплицитруется максимальное развитие силы характера человека (4) либо насилия (5).

В рамках KM STRENGTH IS A PERSON выделяются соматические признаки силы – она обладает лицом (6), внешностью (7):

(6) ***Violence** was beginning to show **its face** (J. London. *Strength of the strong*).*

Лексема *face* использована для метафоризации подлинной сущности феномена насилия как крайнего проявления силы.

(7) *This is exactly analogous to the frequently **deceptive appearance of great strength of will** (I.A. Gregory. *Gods and Fighting Men*).*

Признаки характера (упрямого, дерзкого, непокорного) объективируются в следующем примере:

(8) *Liver cancer almost killed him in 2003, but these days he is a picture, if not of health, then of **gnarled and defiant fortitude** («The Times»).*

KM STRENGTH IS A PERSON включает аспект «вступать в брак», позволяющий имплицитовать идею соединения, сочетания чего-либо:

(9) *Giggs scored the decisive goal against Tottenham and produced a performance that **married experience and maturity with vim and vigour** («The Guardian»).*

Следующие антропоморфные KM относятся, согласно М.В. Пименовой, к социальным моделям [21. С. 109]:

KM STRENGTH IS A MASTER:

(10) *I soon withdrew, for I had talked as much, and sat up as long as my present **strength would permit** (J. Austen. *Pride and Prejudice*).*

(11) *When **strength allowed** he still walked the two miles to school («The Times»).*

(12) *She was very silent, hardly opening her lips, and yet in some queer way I felt that the **great strength** of her personality **was dominating** us all (A. Christie. *The Mysterious Affair at Styles*).*

(13) *However, the degree to which the maintenance behaviour is absorbed by several people appears **to depend on the strength** of the task-oriented actors (British National Corpus).*

В контекстах (10) и (11) человек позиционируется как находящийся под контролем у своих сил (физических, психических, жизненных), поскольку именно сила позволяет или не позволяет (*to permit, to allow*) осуществлять какие-либо действия. Из примера (12) следует, что сила личности одного человека может подавлять (*to dominate*) других людей, господствовать над ними. Человек, в свою очередь, может попадать в зависимое от внешней силы положение, что иллюстрируется в примере (13) с помощью глагола *to depend on*.

KM STRENGTH IS AN OPPONENT:

(14) *Plants will grow about your roots, because your **strength** offers them so safe a prop* (Ch. Brontë. *Jane Eyre*).

(15) *If there is any doubt in their minds as to how critical the situation is, we hope that the **strength** of our views **will convince** them* (British National Corpus).

(16) *Our **strength** threatens to fail* («The Times»).

(17) *The sheer **strength** of feeling across the nation this afternoon **forced** the President of Trade and Industry to backtrack on the pit closures* (British National Corpus).

Как представляется, употребление выделенных глаголов в некоторой степени воссоздает ситуацию переговоров, участники которых прибегают как к конструктивным (*to offer, to convince*), так и к деструктивным (*to threaten, to force*) средствам для достижения своих целей.

KM STRENGTH IS AN ENEMY:

(18) *During a widely trailed press tour conducted while Mr Obama was **fighting off** the renewed **vigour** of Hillary Clinton's campaign, he repeated most of his outlandish remarks* («The Times»).

(19) *The arrival of Sharpe's creative instincts were a measure of United's **attacking strength*** (British National Corpus).

(20) *He changes slowly from messing Lennie around and playing stupid jokes on him, to treating Lennie as a friend, a companion, someone he must **protect from his own strength** and stupidity* (British National Corpus).

Как показал анализ ряда работ, абстрактные сущности нередко концептуализируются в сознании носителей языка с помощью метафоры врага в контексте преодоления, борьбы, конфликта либо, наоборот, покорности, проигрыша (например, *судьба* [20. С. 307], *идеология* [26. С. 80–81]). В наших примерах употребление фразового глагола *fight off* с лексемой *vigour* имплицитно создает ситуацию борьбы, конструкция с причастием *attacking* воссоздает ситуацию применения силы с целью причинения вреда. Употребление глагола *to protect from* с именем *strength* профилирует КП «насилие», что также связано с метафорическим образом врага.

Интересно отметить, что в рамках субсферы «Человек» большинство примеров относятся к такому способу метафорического переноса, как метафорическая предикация. Метафорическая предикация имеет место в том случае, если в предложении в качестве предиката употребляется лексема, соотносимая с субъектом не прямо, а опосредованно, через вспомогательный субъект, обладающий в сознании носителей языка значением типового образа – носителя данной предикативной характеристики [27. С. 120]. В частности, в примерах (14, 15), (16, 17) *strength* сопоставляется с человеком на основе общности потенциальных предикативных характеристик: способностью предлагать что-либо, убеждать в чем-либо, угрожать чем-либо, принуждать. Метафорическая предикация обладает усечённой структурой, при которой эксплицитно представленные предикативные признаки «*offer*», «*convince*», «*threaten*», «*force*» актуализируются в сознании носителей языка вспомогательным метафорическим субъектом ЧЕЛОВЕК.

Как подчеркивает О.И. Глазунова, при метафорической предикации в качестве главного субъекта часто выступают именно лексемы с абстрактно-отвлеченным значением. Соотношение с конкретным образом, представленным через метафорический предикат, апеллируя к наглядно-чувственному восприятию действительности, дает возможность раскрыть абстрактное содержание понятия, поскольку метафорическая предикация обладает эвристической функцией. Отсутствие эксплицитно представленного вспомогательного субъекта в структуре метафорического переноса позволяет сделать акцент на сопоставлении предикативных значений, подчеркнуть наиболее существенные ситуативные или вневременные характеристики главного субъекта [27. С. 121].

Итак, проведенный анализ демонстрирует правомерность рассмотрения антропоморфной метафорической модели в качестве продуктивного способа концептуализации коллективных знаний о силе в современном английском языке. Рассмотренные примеры свидетельствуют о детальной структурированности рассматриваемой субсферы и о достаточно высокой частотности анализируемой модели. Мы убеждены, что изучение абстрактного концепта СИЛА было бы неполным без обращения к метафорическим средствам его репрезентации, поскольку метафоры помогают нам ввести дополнительные представления об анализируемой сущности и дать ей новую оценку.

Литература

1. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопр. языкознания. 1990. № 3. С. 135–146.
2. Теория метафоры: сб. ст. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
3. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопр. когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 91–105.
4. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 358–387.
5. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2001. 238 с.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
7. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
8. Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода. URL: http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7339&y=2002&vol=6077
9. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 236 с.
10. Рябцева Н.К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. URL: <http://www.dialog21.ru/materials/archive.asp?id=6355&vol>
11. *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 68–81.
12. Goshler J. Metaphors in Cognitive and neurosciences: which impact have metaphors on scientific theories and models? URL: <http://www.metaphoik.de/07/goshler.htm>
13. Lakoff G. Metaphor, Morality, and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In the Dust. URL: <http://www.wwed.org/issues/Lakoff.html>
14. Torgny O. Metaphor – a Working Concept // Numerical Analysis and Computer Science. Stockholm: KTH, 1997.
15. Zinken J., Döring M. The Cultural Crafting of Embryonic Stem Cells: The Metaphorical Schematisation of Stem Cell Research in the Polish and French Press. URL: <http://www.metaphoik.de/08/doeringzinken.htm>
16. Будаев Э.В. Могут ли метафоры убивать?: Прагматический аспект политической метафоры // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 67–74.

17. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секириной. М., 1997. 455 с.
18. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 176 с.
19. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
20. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.
21. Пименова М.В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
22. Шеховцева Т.М. Некоторые способы метафоризации концепта СИЛА в английском языке // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 31. С. 152–155.
23. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л.: Худож. лит., 1940. 604 с.
24. Кобозева И.М. Актуальные вопросы семантики и прагматики русского языка: курс лекций. Ростов: ЮФУ, 2007. 6 с.
25. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2002. 122 с.
26. Скиба М.Е. Концепт ИДЕОЛОГИЯ в американском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: СПб., 2003. 187 с.
27. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Форум, 2000. 190 с.

THE STRUCTURING OF THE CONCEPT *STRENGTH* IN ACCORDANCE WITH THE ANTHROPOMORPHIC METAPHORICAL MODEL (IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 46. 71–83. DOI: 10.17223/19986645/46/6

Tatiana M. Shekhovtseva, Elena A. Kamyshanchenko, Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation). E-mail: shekhovtseva@bsu.edu.ru / kamyshanchenko@bsu.edu.ru

Keywords: concept, conceptual metaphor, metaphorical model, anthropomorphic, lexical compatibility.

There are two main lines of metaphor investigation: semantic (M. Black, J. Searle, D. Rotbart, E.F. Kittay) and cognitive founded by G. Lakoff and M. Johnson. The cognitive line treats metaphor as a transfer of knowledge from one conceptual field to another whereas the representatives of the semantic line consider that the process of metaphorization implies interaction of two concepts belonging to different semantic fields, and a metaphor is a transition of lexical units between semantic fields.

The authors support the cognitive line where a metaphor is treated as one of the main mental operations, as a means of cognition, categorization and conceptualization, evaluation and explanation of the world.

In the book *Metaphors We Live By*, G. Lakoff and M. Johnson work out the notion of a conceptual metaphor which they see as a scheme, a unified cognitive structure connecting mental representations with a sensual and experimental basis formed under the influence of people's previous experience and their cultural background. Interaction between the cognitive structures of two conceptual domains – source-domain and target-domain – is the basis of metaphorization. As a result of metaphorical mapping, the elements of the source-domain, formed on the basis of a person's previous experience, structure the obscure elements of the target-domain, which is the essence of the cognitive potentiality of a metaphor.

Abstract concepts are often subject to a metaphorical conceptualization.

The aim of the present article is to consider the peculiarities of the metaphorical representation of the concept *STRENGTH* in the modern English language. The authors use the method of studying the compatibility of the lexeme-representative of the concept and its synonyms with concrete predicates.

As a rule, conceptual metaphors are arranged in larger categories. Researchers distinguish anthropomorphic, zoomorphic, phytomorphic, nature-morphic and artefact metaphorical models.

Based on the data of the factual material analysis, the authors determined three categories relevant to the research: subsphere “Person”, subsphere “Nature” and subsphere “Artefacts”. The attention focuses on the subsphere “Person” presented by anthropomorphic conceptual metaphors STRENGTH IS A PERSON, STRENGTH IS A MASTER, STRENGTH IS AN OPPONENT, STRENGTH IS AN ENEMY.

The structuring of the concept STRENGTH in accordance with the anthropomorphic metaphorical model implies the personification of the names *strength*, *force*, *power*, *violence*, *fortitude*, *vigour*, that is their likening to a person. This fact determines their compatibility with the predicates having subject-oriented features, that is activity, volition, controllability and animacy of an object.

The essence of a metaphor is understanding one kind of thing in terms of another. Specifying something as abstract as *strength* as being a person, one can comprehend a variety of experiences with nonhuman entities in terms of human motivations, characteristics and activities.

References

1. Petrov, V.V. (1990) Metafora: ot semanticheskikh predstavleniy k kognitivnomu analizu [Metaphor: from semantic representations to cognitive analysis]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 135–146.
2. Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
3. Chudinov, A.P. (2004) Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoy metafory [Cognitive-discursive study of political metaphor]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1. pp. 91–105.
4. McCormack, E. (1990) Kognitivnaya teoriya metafory [Cognitive theory of metaphor]. Translated from English. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
5. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
6. Lakoff, G. (1990) Metafori, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
7. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press.
8. Kobozeva, I.M. (2002) *K formal'noy reprezentatsii metafor v ramkakh kognitivnogo podkhoda* [On the formal representation of metaphors within the cognitive approach]. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/kobozeva/>.
9. Vorkachev, S.G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis.
10. Ryabtseva, N.K. (2000) *Mental'naya leksika, kognitivnaya lingvistika i antropotsentrichnost' yazyka* [Mental vocabulary, cognitive linguistics and anthropocentric language]. [Online] Available from: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/ryabtseva/>.
11. Ortega y Gasset, J. (1990) Dve velikie metafory [Two great metaphors]. Translated from Spanish. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskaya, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress.
12. Goshler, J. (2007) *Metaphors in Cognitive and neurosciences: which impact have metaphors on scientific theories and models?* [Online] Available from: <http://www.metaphoik.de/07/goshler.htm>.
13. Lakoff, G. (1995) *Metaphor, Morality, and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In the Dust*. [Online] Available from: <http://www.wvcd.org/issues/Lakoff.html>.
14. Torgny, O. (1997) *Metaphor – a Working Concept*. In: *Numerical Analysis and Computer Science*. Stockholm: KTH.
15. Zinken, J. & Döring, M. (2005) *The Cultural Crafting of Embryonic Stem Cells: The Metaphorical Schematisation of Stem Cell Research in the Polish and French Press* [Online] Available from: <http://www.metaphoik.de/08/doeringzinken.htm>.
16. Budaev, E.V. (2006) “Mogut li metafory ubivat’?”: Pragmaticheskiy aspekt politicheskoy metaforiki [“Can metaphors kill?”: the pragmatic aspect of political metaphors]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 20. pp. 67–74.
17. Rakhilina, E.V. (1997) Osnovnye idei kognitivnoy semantiki [Basic ideas of cognitive semantics]. In: Kibrik, A.A., Kobozeva, I.M. & Sekirina, I.A. (eds) *Fundamental'nye napravleniya*

sovremennoy amerikanskoy lingvistiki [Fundamental directions of modern American linguistics]. Moscow: Moscow State University.

18. Pimenova, M.V. & Kondrat'eva, O.N. (2011) *Kontseptual'nye issledovaniya. Vvedenie* [Conceptual research. Introduction]. Moscow: FLINTA: Nauka.

19. Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Translated from English by I.B. Shatunovskiy. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

20. Cherneyko, L.O. (1997) *Lingvo-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic and philosophical analysis of the abstract name]. Moscow: Moscow State University.

21. Pimenova, M.V. (2007) *Kontsept "serdtse": Obraz. Ponyatie. Simvol* [Concept "heart": The image. The concept. The symbol]. Kemerovo: Kemerovo State University.

22. Shekhovtseva, T.M. (2009) *Nekotorye sposoby metaforizatsii kontsepta SILA v angliyskom yazyke* [Some ways of metaphorizing the STRENGTH concept in English]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – CSU Bulletin*. 31. pp. 152–155.

23. Vico, J. (1940) *Osnovaniya novoy nauki ob obshchey prirode natsiy* [Foundations of a new science on the general nature of nations]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

24. Kobozeva, I.M. (2007) *Aktual'nye voprosy semantiki i pragmatiki russkogo yazyka: kurs lektsiy* [Topical issues of semantics and pragmatics of the Russian language: a course of lectures]. Rostov: South Federal University.

25. Boldyrev, N.N. (2002) *Kognitivnaya semantika: kurs lektsiy po angliyskoy filologii* [Cognitive semantics: a course of lectures on English philology]. Tambov: Tambov State University.

26. Skiba, M.E. (2003) *Kontsept IDEOLOGIYa v amerikanskom yazykovom soznanii* [Concept IDEOLOGY in the American linguistic consciousness]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

27. Glazunova, O.I. (2000) *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy* [Logic of metaphorical transformations]. St. Petersburg: Forum.